

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской агиографии (предварительные замечания)

Н.А. Никонов✉

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация
✉ gis.1974@inbox.ru

Резюме

Контекст и актуальность. «Лествица» Иоанна Синайского является одним из источников для ряда образов, мотивов, топосов, цитат и идей в текстах преподобнических житий. Теоретической основой исследования послужила концепция о текстах Священного Писания, Псалтири, Евангелия, популярных богословских и аскетических трудах восточнохристианского происхождения как источниках устойчивых литературных формул, образов, мотивов, сюжетов и идей древнерусских агиографических памятников. **Цель.** Выявить и описать мотивы, цитаты, сюжетные топосы и образы в житиях преподобных, источником которых является «Лествица» Иоанна Синайского. **Гипотеза.** «Лествица» Иоанна Синайского, как один из популярных на Руси памятников аскетического содержания, послужила источником для некоторых элементов преподобнического жития. **Методы и материалы.** Исследование строилось на житиях преподобных XVI–XVII веков, как уже введенных в научный оборот, так и содержащихся в рукописях. Установление связей между мотивами, сюжетными топосами, образами, цитатами и идеями житий преподобных и «Лествицей» Иоанна Синайского проводилось с помощью сравнительно-типологического и герменевтического методов. **Результаты** показали, что с «Лествицей» связаны мотивы обстоятельств жизненного пути преподобного и отречения от брака, вариант отдельного сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь», цитаты, описывающие оставление праведником мирских привязанностей, идейное содержание путешествия преподобного по монастырям для духовного развития через наблюдение за нравами, обычаями и особенностями общежительных правил. **Выводы.** Показано, что к «Лествице» Иоанна Синайского генетически восходят некоторые элементы макро- и микроуровней преподобнического жития. Заявлена необходимость продолжения работы по выявлению, описанию и систематизации элементов древнерусских житий преподобных, связанных с «Лествицей», что привело бы к углублению понимания контекста как образа святых, угодивших Богу

127

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

монашеским подвигом, так и самих жизнеописаний, посвященных этому типу святости.

Ключевые слова: мотив, сюжетный топос, цитата, агиография, «Лествица»

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00005-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00005/>.

Для цитирования: Никонов, Н.А. (2025). Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской агиографии (предварительные замечания). *Язык и текст*, 12(4), 127—137. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120411>

The Teaching of St. John the Ladder in old Russian hagiography (preliminary notes)

N.A. Nikonov✉

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

✉ gis.1974@inbox.ru

Abstract

Context and relevance. “Lestvitsa” (The Ladder) by John of Sinai is one of the sources for a number of images, motives, toposes, quotations and ideas in the texts of the Reverends’ lives. The concept of the texts of Holy Scripture, the Psalter, the Gospel, popular theological and ascetic works of Eastern Christian origin as sources of stable literary formulas, images, motifs, plots and ideas of ancient Russian hagiographic monuments became the theoretical basis of the study. **Objective.** To identify and describe motives, quotations, plot toposes and images in the Reverends’ lives, the source of which is the “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai. **Hypothesis.** “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai as one of the most popular ascetic monuments in Russia served as a source for some elements of the Reverends’ lives. **Methods and materials.** The study was based on the Saints’ lives of the XVI–XVII centuries, both already introduced into scientific circulation and contained in manuscripts. Establishing links between motives, plot toposes, images, quotations and ideas from the Reverends’ lives and the “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai was conducted using comparative typological and hermeneutic methods. **Results** have shown that motives of the circumstances of the Saint’s lives and the renunciation of marriage, the variant of a separate plot topos “the Reverend’s retreat to the desert”, quotes describing the abandonment of worldly attachments by the reverend, the ideological content of the Reverend’s journey through monasteries for spiritual development through observation of customs, practices and peculiarities of communal rules date back to “Lestvitsa (Ladder)”. **Conclusions.** It has been shown that some elements of the macro and micro levels of the Reverends’ lives genetically date back to “Lestvitsa (Ladder)” by John of Sinai. The necessity of continuing work on the identification, description and systematization of the elements of the ancient Russian Saints’ lives is stated, which are related to the “Lestvitsa”, this would lead to a deeper understanding of the context

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

of both the image of the Saints who pleased God with their monastic feat, and the biographies themselves dedicated to this type of holiness.

Keywords: motif, narrative *topos*, quote, hagiography, “*Lestvitsa*”

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 22-18-00005-П, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00005/>.

For citation: Nikonov, N.A. (2025). The Teaching of St. John the Ladder in old Russian hagiography (preliminary notes). *Language and Text*, 12(4), 127—137. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120411>

«Лествица» является одним из известных и часто переписываемых в среде древнерусского монашества руководств по аскезе. О высокой популярности «Лествицы» красноречиво свидетельствуют многочисленные списки, хранящиеся в крупнейших центрах древнерусского иночества (Попова, 2011, с. 93—98). По замечаниям Р. Пиккио (Пиккио, 2003), М. Гардзанити (Гардзанити, 2014), А.М. Ранчина (Ранчин, 2007), Т.Р. Руди (Руди, 2006), источниками многих устойчивых литературных формул, образов, мотивов, сюжетов и идей в корпусе древнерусских агиографических памятников становятся Священное Писание, Псалтирь, Евангелие, популярные богословские и аскетические труды восточнохристианского происхождения. Перечисленные выше тексты влияют и на сюжетно-композиционный, идейно-содержательный и символический уровни житий (Ранчин, 2007). Жизнеописания преподобных являются частью древнерусской агиографии. Следовательно, «Лествица» как один из известнейших аскетических трудов христианского Востока могла быть источником некоторых отдельных топосов, образов, идей, сюжетов и мотивов, а также тем или иным образом влиять на сюжетный, образный, композиционный и другие уровни преподобнической агиографии.

О небезосновательности высказанного выше предположения свидетельствуют работы известных ученых-медиевистов, где «Лествица» рассматривается как возможный источник мотива, описывающего восхождение преподобного по ступеням/степеням добродетельной жизни (Руди, 2006, с. 482—483), сюжетно-композиционной структуры жития преподобного Иоанна Синайского (Дорофеева, 2023, с. 315), цитат, выстраивающих образ святого Александра Ошевенского (Пигин, 2013).

Наши наблюдения над житиями преподобных показывают, что, во-первых, мотив, восходящий к «Лествице», используется агиографами не только для рассказа о движении юного/зрелого/постаревшего святого по степеням духовных добродетелей, но и для описания воздержания от брака, а также жизненных обстоятельств, то отдаляющих, то, напротив, приближающих блаженного к иноческому житию. Во-вторых, цитаты из «Лествицы» агиографы чаще всего включают в сцены, где преподобный отрекается от мирских привязанностей. В-третьих, четвертое «Слово» «Лествицы» в житии Корнилия Комельского становится прямым прототипом цели путешествия святого по пустынническим скитам и монастырям. Наконец, вторая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» на идейно-смысловом уровне является источником одного из вариантов развития сюжетного топоса¹ «отход преподобного в пустыню».

«Лествица» Иоанна Синайского — самый “иеротопичный” памятник византийской

¹ В настоящей работе под сюжетным топосом понимается повторяющийся в текстах эпизод с относительно устойчивой конструкцией и единой семантикой.

литературы» (Попова, 2024, с. 89), так как в ее основе лежит идея восхождения по ступеням/степеням добродетели в Царствие Небесное. Интересно, что эта «иеротопичность» «Лествицы» в древнерусской агиографии стала источником мотива, выделенного Т.Р. Руди и описывающего, как было сказано ранее, движение/приближение святого к Богу/«горнему Иерусалиму» по «неким степеням/ступеням» на протяжении всей жизни/в начале монашеского пути/в последние годы жизни (Руди, 2006, 482—483). В житии Ефросина Псковского этот мотив, сохраняя основное смысловое ядро, подчиненное идеи движения по ступеням добродетельной жизни в Небесное Царство, переживает некую трансформацию. Так, в тексте говорится уже не о духовном развитии преподобного, который «день ото дня, яко по степеням/ступеням/лествице, въсходяще на добродетельное житие», а описывается эпизод отречения от брака, совершающее еще юным отроком: «...паке приспе время отроку браку сочтати, и восхотеста его подружие ему обручити. Благоразумный же прехрабрый воин царя небеснаго, пречестный отрок, слышав от родитель своих таковыи совет о нем, востонав и восплакав, и, вскочив, сокруши треглавнаго змия, погуби его похоть и суетну любов, и оплева, и **востек на небесную лествицу, по ней же достиг горний Иерусалим**» (Охотникова, 2001, с. 610). В житии Антония Сийского «лествичный» мотив приобрел еще более необычное смысловое наполнение: жизненные обстоятельства, сначала отдаляющие, а затем приближающие блаженного Андрея (мирское имя преподобного) к иноческому житию, уподобляются агиографом движению по «неким степеням». Так, поступление святого во служение к новгородскому боярину и последующее пятилетнее существование по Божьему изволению в миру сравнивается с необходимым пребыванием на «низших степенях» суетной жизни, чтобы в будущем подняться к «высшим степеням» иноческого общежительства: «И оу нъкоего болярина работаше пять лѣтъ. се^ж не бе^з бжия велѣния бы^т. но вся быша бжии^м изволение^м. бѣгу тако изволившио да преж^де блаженный обуучився мирьскомуо пребвани^ю. и яко нъкоими степеньми. от нижни^х на горния добродѣти взыде^т иноческого жите^лства» (Сборник. РНБ. Q.I.22, XVI в. 23 л.—23 об.). Смерть жены святого tolкуется агиографом как промысел Господень, поднимающий Андрея от первоначальных степеней мирского тлена к высшим степеням иночества: «Не бѣговоли ж гь свѣтилникоу семоу. ни^ж попоусти на долзѣ времени в сицевы^х быти. но яко нъкоим степеньми возводя блжанна^г помалоу. мало от нижни^х на вышшая. соупр^ужницы е^г по едино^м лѣте от жития сего преставльшася. блаженный^ж отрѣшився законнаго брака» (Сборник, РНБ, Q.I.22, XVI в. лл. 121 об.—122)².

В первой («Об отречении от жития мирского»), второй («О беспристрастии, то есть, об отложении попечений и печали о мире») и третьей («О странничестве, то есть, об уклонении от мира») «Словах» «Лествицы» говорится о необходимости отречения от всех мирских привязанностей для только что вступившего на монашеский путь. Наблюдения показывают, что агиографы в эпизодах оставления преподобным дома, семьи, родных и близких часто ссылаются на первое, второе и третье «Слова» «Лествицы». В преподобнических житиях вновь вступающего на стезю монастырского послушания наставляет игумен. Агиографы в поучения настоятеля нередко вставляют прямые или неявные фразы из первых трех «Слов» «Лествицы». Обратимся к примерам. Так, описывая размышления Зосимы Соловецкого о необходимости оставить мир и устремиться на путь иноческого подвига, агиограф прямо

² Здесь и далее при передаче древнерусского текста буквы «и десятеричное», «йотированное а», «омега» заменяются соответственно на и, а, от.

цитирует часть 22-го стиха из третьего «Слова» «Лествицы»³: «И помышляше в себѣ, глаголя: „Како азъ и еще сыи исполу, вмалъ отвержение мира сътворих — словом, писано есть: „не словесемь отвержения мъзды даются, но дѣлателем“, а „не послушници закона спасаются, но творци“. Родителем всегда пред очима моима и всъм ближни комъ по плоти, другом же и знаемым, и събирающимся посреди их, — что же есть мое отвержение от мира? Писано бо есть: „Не любите мира и яже в нем, не бо есть мощнъ окомъ зреши на небо, а другимъ на землю“» (Дмитриева, 2005, с. 58). Далее, говоря об оставлении родителей и раздаче имущества преподобным Зосимой, автор жития прямо называет это «оставление» «первым отречением», а вступление на путь киновийного послушания — «вторым отречением», тем самым ссылаясь на 9-й стих из второго «Слова» «Лествицы»⁴: «И тако блаженный, расточив вся имъния своя убогим и родитель своих вся жителства домовная раздавъ нищим, рабы же и рабыня вся свободи и достойную часть имъния подадъ им. Сам же на предняя подвиги възвращается, пакы второе отвержение мира сътворяет (первъе — родителей и сродникъ по плоти, пиша и всѣх красных мира: рода и отечества и всѣх знаемых удаление)» (Дмитриева, 2005, там же). Антоний Сийский, имевший еще мирское имя Андрей, после смерти жены решает поступить в монастырь. Агиограф, развивая мысль о необходимости освобождения от уз супружества для желающего монашеской участи, ссылается на 20-й стих первого «Слова» «Лествицы»⁵: «яко^х бо рече списатель лѣствицы. иже бо хто хотящи^м ко иноческому тещы. и не отрѣшив ся || миръскы^х пристрастій подобенъ е^тчлку. носящему желѣза на ногу часто претыкающе ся и сокрушающи ся. а оженивши не токмо на ногу но и на руку желѣза носящи». (Сборник, РНБ, Q.I.22, XVI в., лл.122об. —123). Игумен, описывая блаженному Алексию (будущему преподобному Александру Ошевенскому) трудность иноческого послушания, заявляет о необходимости оставления родителей и друзей. Настоятель призывает будущего инока не склоняться на жалобы и стенания близких, аргументируя свою позицию 16-м стихом из третьего «Слова» «Лествицы»⁶: «Не ущедри родителня и дружня слезы, аще ли не вѣчно хощеши слезити» (Пигин, 2017, с. 236). Интересно, что кровные родственники и друзья сравниваются игуменом с пчелами. В основе данного сравнения опять же лежит 16-й стих из первого «Слова» «Лествицы»: «внегда тя

³ «Пристрастие к кому-нибудь из родственников, или из посторонних, весьма вредно; оно может мало-малу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. **Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю: так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и не-родственников**» (Лествичник, 2013, 3:22).

⁴ «Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершил первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. «Изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь» (2Кор.6:17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это — победные почести иноков и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?» (Лествичник, 2013, 2:9).

⁵ «Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках; а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах» (Лествичник, 2013, 1:20).

⁶ «Не склоняйся на слезы родителей и друзей; в противном случае будешь вечно плакать» (Лествичник, 2013, 3:16).

обыдуть якоже пчелы, паче же осы, рыданье свое творяще о тебѣ» (Пигин, 2017, там же)⁷. Неявная цитата из 8-го стиха второго «Слова» «Лествицы» использована автором жития Иосафа Каменского⁸: игумен Кассиан, проверяя юного князя, подробно указывает на иноческие скорби и лишения: «И абие игуменъ Касиан преклоняется на моление отрока и наказует сице его: «Внимай убо себѣ, еда како ускимъ и прискорбнымъ путемъ обѣщаешся итъти... Уский путь да явит ти скорбь чревная, стояние всенощное, мѣра водная, хлѣба скудость, бесчестия хунхания и наスマчия и наругания, отрѣзание своихъ воль, терпѣние приобидѣния, хуления безъ правды, терпѣти нужда, оболгаему не гнѣватися, унижаему радоватися, осужаему смирятися. Блажени иже тѣмъ путемъ ходят, яко тѣхъ царство небесное» (Прохоров, 2001, с. 333—334).

Четвертое слово «Лествицы» Иоанна Синайского строится на многочисленных примерах иноческого послушания, которые преподобный почерпнул из своего путешествия по монастырям Александрии (Лествичник, 2013, 5:11—41). Отсюда путешествие Лествичника приобретает характер духовного паломничества, яркой чертой которого является внимательное и неустанное наблюдение над монастырскими правилами, поведением и нравами обитателей киновий для собственного духовного обучения. В древнерусской агиографии святые, преследуя разные цели, путешествовали по святым местам, чужим городам и киновиям. Корнилий Комельский отправляется в подобное странствие. Причем агиограф прямо указывает на прототип цели путешествия преподобного — «Лествицу»: «Таже по томъ изыде блаженный ис Кирилова монастыря и, по лѣствичному послѣдованию, вдасть себѣ страничеству, искый ползы отвсюду. И общед монастыря и пустыня и когождо добрыя нравы и житие смотривъ, и от всѣхъ приплоди сѣмя вѣры, дѣль добрыхъ и въ своей души вложивъ» (Сергеева, 2005, с. 306). Действительно, обход монастырей для «смотрения» добрых нравов с последующим «вложением» духовных плодов («семян веры») в душу, как и было указано выше, восходит к труду прп. Иоанна Лествичника.

Как было отмечено В.В. Лепахиным, идея постепенности восхождения к вершинам невещественного (духовного) совершенства является одной из основных в «Лествице» (Лепахин, 1998, с. 14—15). Действительно, чтение текста «Лествицы» показывает, что, находясь на низших ступенях, невозможно без ущерба для своих душевных сил или дальнейшего продвижения по степеням духовного развития совершить переход на высшие ступени. Игнорирующий несколько ступеней ради перехода на более высокий уровень добродетельного жития теряет подготовку, необходимую для столкновения с искушениями, ожидающими на верхних ступенях. Монах, встретив трудные соблазны, не справляется и впадает во искушение. 14-й стих из 1-го Слова «Лествицы», согласно толкованиям Иоанна Раифского и Илии Критского, представляет собой яркое метафорическое воплощение описанной выше идеи: «Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня; другие утвердили

⁷ «Когда родственники окружат тебя, как пчелы, или лучше сказать, как осы, оплакивая тебя: тогда немедленно обрати душевые очи твои на смерть и на дела (твои), чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другою» (Лествичник, 2013, 3:16).

⁸ Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, чистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмейний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений, когда будешь обижен — терпеть мужественно; когда на тебя клевещут — не негодовать; когда унижают — не гневаться; когда осуждают — смиряться. — «Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, яко тех есть царство небесное» (Мф.5:3—12)» (Лествичник, 2013, 2:8).

столбы на земле; а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены потом, шли быстрее» (Лествичник, 2013, 1:14). «Кладущие в строение кирпич поверх камня» — монахи, приступающие к трудным духовным испытаниям без отречения от собственной воли через послушание духовному отцу, игумену и братии. В конечном итоге не поборовшие своеолия и занимающиеся непосильным духовным деланием истощают моральные силы, что, в свою очередь, ведет к невозможности исполнить ранее задуманные духовные подвиги. Более того, такие монахи не могут в должной мере следовать элементарным общежительным правилам. «Утвердившие столпы на земле» — иноки, которые, не укрепив себя пребыванием в киновии, сразу избрали путь безмолвия. Попав в условия пустынножительства, монахи приходят не к духовному совершенству, а, наоборот, низводятся ко греху. «Разогревшие жилы и члены» — чернецы, твердо ступившие на путь постепенного исполнения духовных практик, что привело их к уверенному и легкому восхождению по ступеням иноческого совершенствования. Отсюда первая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» учит монашествующего избирать послушание, которое является основанием для других духовных подвигов. Вторая часть стиха говорит об идее бесплодности стремительного перехода на высшие ступени духовных добродетелей для подвигающихся на начальных уровнях общежительных трудов. Третья часть служит положительным примером соблюдения постепенности и умеренности во время прохождения духовных практик.

К описанной выше идее второй части 14-го стиха из 1-го Слова «Лествицы» восходит один из вариантов развития сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь». Святой, из-за нежелания «славы от человек»/стремления одному «поработати Богу», находясь на «низших» ступенях отречения от мирских привязанностей, мечтает покинуть монастырь и поселиться в пустыни, чтобы в молчании «работати Богу», то есть перейти на одну из самых высших степеней «Лествицы» — безмолвию. О желании безмолвного жития преподобный сообщает настоятелю монастыря. Настоятель не дает благословения на оставление обители, считая преждевременным такой переход к сложному подвигу без необходимого преодоления своеолия в условиях монастырского послушания. Игумен, описывая свой отказ, произносит фразу: **«не подобно: не утвердивши ногу на корени, первваго степени общаго жития послушаниемъ, верха молчания и единства касатися, и без времени своего волею водитися»**. Представленная фраза, сохраняя свой состав, почти всегда встречается в варианте описываемого сюжетного топоса. Интересно отметить, что в указанной фразе предельно ясно используются образы иерархических степеней — низшей стадии киновийных трудов для новопоступивших в обитель иноков («первваго степени общаго жития») и одной из высших стадий — безмолвного уединения уже опытных черноризцев («верх молчания и единства»). На первой ступени инок «утверждает ногу», последней ступени — «касается». Совокупность образов, содержащихся во фразе, вызывает ассоциацию передвижения по неким ступеням, идущим друг за другом в строгом порядке. Думается, что источником образности разбираемой фразы послужила «Лествица». На это указывает следование уровней, полностью укладывающееся в логику расположения ступеней «Лествицы», где послушание в киновии занимает начальные ступени, а пустынное безмолвие, приближаясь к самому верху, представляет двадцать седьмую ступень. Отсюда содержащаяся на уровне сюжетного топоса лествичная идея постепенности смены форм монашеского пути через описанную фразу дополняется яркой, почти визуальной образностью движения по следующим друг за другом ступеням. Рассмотрим примеры. Александр Свирский, узнав о славе среди братии, возгорается желанием покинуть обитель и поселиться в дальней пустыни ради безмолвного жития. Настоятель, узнав о подобной просьбе Александра, отказывает преподобному. Аргументация

отказа строится на идее бессмысленности раннего перехода от низших стадий общежительного послушания к высокому и трудному подвигу безмолвия: «Игумен же Ияким велми почюдився **бездонному** его прощению, и к нему глаголаше: “Ни убо, чадо, ни. **не бо подобно, не утвердивше ногу на корени первого степени общаго жития послушанием, верха молчанием и единства касатися, и без времени своееволне водитися**, ни бо от времене, ни от возраста таковых несть лепо ныне тебе искати, **все бо подобно во свое время”»** (Герд, 2002, с. 44). Преподобный Ефрем Перекомский, став всеми любим и почитаем за праведную жизнь, желает «**бежати славы и работати Богу**»: «Пребысть же блаженый въ той службе лѣта доволна, **повинуяся игумену** и братии. И посемь вся службы монастырская прошедь со **всякимъ терпениемъ и послушаниемъ, и тако хвалимъ бяше всеми**. И славу **от человѣкъ имяше многу, и о семъ преподобный стуживъси, ибо еже славитися от человекъ, яко студь и грехъ себе въменяше**. Попечение же имея много, **еже бежати славы и работати Богу**» (Федотова, 2001, с. 171). О своем желании преподобный сообщает игумену и просит отпустить «**въ пустыни сидѣти, и безмолствовати, и трудитися**»: «Во единъ убо день приходить святый ко игумену Савве и просить благословения и молитвы, и болѣзнь сердца исповедуеть, не таитъ вину пременения, припадаетъ и молится, да благословенъ будеть и **отпущенъ, яко дабы ему повелель отходне на едине въ пустыни сидѣти, и безмолствовати, и трудитися**» (Федотова, 2001, там же). Игумен, дивясь странности просьбы, не отпускает Ефрема, аргументируя отказ духовной незрелостью блаженного, который не преодолел еще своееволия через телесные и духовные труды в киновии: «“Ни убо, чадо, не подобно: **не утвердивши ногу на корени, первого степени общаго жития послушаниемъ, верха молчания и единства касатися, и без времени // своего волею водитися”**». Пустыня, по мнению игумена, может встретить не укрепившегося монашеским общежительством дьявольскими или человеческими искушениями, которые, по примеру многих, лишают Царствия Небесного. «...“нѣсть бо лепо таковыхъ тебѣ нынѣ искати, все бо подобно во свое время, ибо еда кая **ненадежна от общаго человекомъ врага, или от крови мужей в пустыни тебе прилучится...** Да не яко въ пустыняхъ под спудъ зашедъ, въ горахъ покрывается, мози же темъ не просветившеся **последи свѣта спасения лишатся”**» (Федотова, 2001, там же). Преподобный Александр Ошевенский, стремясь спастись от человеческих восхвалений, решает свернуть «на безмолвия путь» и там «одному работати Богу»: «**И видя себе чтима от игумена, и от братии, и от всѣхъ хвалим, и славу имяше от человѣкъ многу — и о семъ преподобный, еже славитися, яко студь и грѣхъ вмѣняше. Попечение же имяше много о семъ, еже бѣжати славы человѣческя, и помышляше безмолвия путь гонити и работати Богу**» (Пигин, 2017, с. 238). О желании покинуть монастырь сообщается игумену. Игумен, считая подобную просьбу преждевременной, не только, как в других житиях, отвергает ее в силу преждевременности, но подробно, ссылаясь на «Лествицу» (Лествичник, 2013, 1:26), называет конкретные искушения уныния, сна, лени и отчаяния, поджидающие юного инока в уединении: «“Ни убо, чадо, не полезно ти се, еще **ти юну сущу, еже наединѣ сидѣти, но угодно ти съ братиями во общинѣ пребывать. Яко же Иоаннъ Лѣствичникъ въ своих писаниих глаголеть: “Единому горе, — рече, — яко аще впадет во уныніе, или сонъ, или разлѣніе, или отчаяніе, // нѣсть возвижай его въ человѣцѣхъ”**» (Пигин, 2017, там же). Продолжая аргументацию в пользу общежительного жития, игумен указывает на спасающие от дьявольских сетей общежительные молитвы братии: «“А егда приидет спона нѣкая от диявола, и братия **вси соборнѣ о тебѣ Бога молят...** И хощеши единъ сидѣти, а не вѣдый козней дьявольскихъ» (Пигин, 2017, там же). Итогом рассуждения настоятеля становится устойчивая фраза о неуместности скорого

вступления в пустынножительство: «“Не утвердивше ногу на корени первого степени общаго жития послушанием верха молчаниемъ, и единства касатися и без времени своеолнъ водитися. Все бо подобно въ свое время”» (Пигин, 2017, там же).

Подведем итоги. Приведенные примеры свидетельствуют о более широкой семантике мотива движения преподобного по степеням/ступеням добродетели, основывающегося на «Лествице» Иоанна Синайского: такой мотив выражает не только приближающее к Богу/Царству Небесному духовное возрастание святого, но и описывает отречение от мирских привязанностей, а также служит метафорой жизненного пути, состоящего из ряда событий, то отдаляющих, то, напротив, приближающих к иноческому житию. Далее, цитаты из второго и третьего «Слова» «Лествицы» чаще всего включаются агиографом в эпизоды оставления преподобным привязанностей к имуществу, родителям и близким. Описанная в четвертом Слове «Лествицы» цель путешествия Иоанна Синайского по Александрийским монастырям послужила прототипом для основного назначения посещения Корнилием Комельским нескольких общежительных киновий и пустынных скитов. Наконец, вторая часть 14-го стиха 1-го Слова «Лествицы» становится источником для одного из вариантов развития известного сюжетного топоса «отход преподобного в пустынь». Все вышеперечисленные элементы из житий преподобных, во-первых, расширили представления о влиянии «Лествицы» на топику, образную систему и идейно-содержательный уровень преподобнической агиографии, во-вторых, подтвердили небезосновательность гипотезы о восхождении некоторых словесных компонентов житий преподобных к одноименному труду Иоанна Лествичника. Следовательно, возникает необходимость продолжения работы по выявлению, описанию и систематизации мотивов, образов, сюжетных топосов и цитат из древнерусской агиографии, которые тем или иным образом были бы связаны с «Лествицей». Это приведет к лучшему пониманию многих неясных контекстов в житиях преподобных, а также углубит наши представления о связях между текстом «Лествицы» и преподобническими житиями.

Список источников / References

1. Гардзанити, М. (2014). *Библейские цитаты в церковнославянской книжности*. М.: Индрик.
Gardzaniti, M. (2014). *Biblical quotations in Church Slavonic literature*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
2. Герд, А.С. (Ред.) (2002). *Житие Александра Свирского: текст и словоуказатель*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
Gerda, A.S. (Ed.) (2002). *The Life of Alexander Svirsky: text and word index*. St. Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
3. Дмитриева, Р.П. (Ред.) (2005). Жития Зосимы и Савватия Соловецких. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 13. (С. 15—36).
Dmitrieva, R.P. (Ed.) (2005). The Lives of Zosima and Savvaty Solovetsky. In: *The Library of literature of Ancient Russia*. Vol. 13. (Pp. 15—36). (In Russ.).
4. Дорофеева, Л.Г. (2023). Топос лествицы в Житии Иоанна Синайского (на материале Оптинского перевода «Лествицы»). В: *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 22. (С. 312—328). <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22>

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

- Dorofeeva, L.G. (2023). Topos of the Ladder in the Life of John of Sinai (based on the Optina translation of the Ladder). In: *Hermeneutics of Old Russian literature*. Issue 22. (Pp. 312—328). (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22>
5. Сборник. РНБ. Q.I.22, XVI век.
Sbornik. RNB. Q.I.22, XVI century.
6. Лепахин, В.В. (1998). Лествица как полифоничный символ духовной аскетической жизни. В: *Вестник русского христианского движения*, 178, 5—28.
Lepakhin, V.V. (1998). The ladder as a polyphonic symbol of spiritual ascetic life. In: *Vestnik RHD*, 178, 5—28. (In Russ.).
7. Лествичник, И. (2013). *Лествица, возводящая на небо*. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря.
Lestvichnik, I. (2013). *The ladder leading to heaven*. 8th ed. Moscow: Publ. Sretensky Monastery. (In Russ.).
8. Охотникова, В.И. (2001). Краткая редакция жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ). В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 52. (С. 600—615).
Okhotnikova, V.I. (2001). A short edition of the Life of Evgrosina Pskovskogo based on a manuscript from the Ovchinnikov collection (RGB). In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 52 (Pp. 600—615). (In Russ.).
9. Пигин, А.В. (2017). Пространная редакция Жития Александра Ошевенского. В: *Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации*. Т. 3. (С. 206—309).
Pigin A.V. (2017). A lengthy edition of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Russian Hagiography of Research. Proceedings. Publications*. Vol. 3. (Pp. 206—309). (In Russ.).
10. Пиккио, Р. (2003). *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М.: Знак.
Pikkio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa: literature and language*. M.: Znak. (In Russ.).
11. Попова, Т.Г. (2011). *Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности*. Саарбрюкен: LAP LAMBERT.
Popova, T.G. (2011). *The Ladder of John of Sinai in Slavic Literature*. Saarbrücken: LAP LAMBERT. (In Russ.).
12. Попова, Т.Г. (2024). Образ Небесного Иерусалима в Лествице Иоанна Синайского. *Язык и текст*, 11(4), 88—100. <https://doi.org/10.17759/langt.2024110410>
Popova, T.G. (2024). Image of Heavenly Jerusalem in the “Ladder” of John Climacus. *Language and Text*, 11(4), 88—100. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2024110410>
13. Прохоров, Г.М. (2001). Житие Иосафа Каменского. В: С.А. Семячко (ред). *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*. (С. 323—349). СПб.: Дмитрий Буланин.

Никонов Н.А. (2025)
Учение прп. Иоанна Лествичника в древнерусской
агиографии (предварительные замечания)
Язык и текст, 12(4), 127—137.

Nikonov N.A. (2025)
The Teaching of St. John the Ladder in old Russian
hagiography (preliminary notes)
Language and Text, 12(4), 127—137.

- Prochorov, G.M. (2001). The Life of Joasaph of Kamenskoye. In: S.A. Semyachko (ed.). *Book centers of Ancient Russia: Northern Russian monasteries*. (Pp. 323—349). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.).
14. Ранчин, А.М. (2007). *Вертоград златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ranchin, A.M. (2007). *Vertograd Zlatoslovny: Old Russian Literature in Interpretations, Analyses, and Commentaries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
15. Руди, Т.Р. (2006). О композиции и топике житий преподобных. В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 57. (С. 431—500).
- Rudi, T.R. (2006). On the composition and topic of the lives of the Saints. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 57. (Pp. 431—500). (In Russ.).
16. Сергеева, А.Г. (Ред.) (2005). Житие Корнилия Комельского. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 13. (С. 304—353).
- Sergeeva, A.G. (Ed.) (2005). The Life of Cornelius Komelsky. In: *The Library of literature of Ancient Russia*. Vol. 13. (Pp. 304—353). (In Russ.).
17. Федотова, М.А. (2001). К вопросу о Житии Ефрема Перекомского. В: С.А. Семячко (ред.). *Книжные центры Древней Руси: Северорусские монастыри*. (С. 152—198). СПб.: Дмитрий Буланин.
- Fedotova, M.A. (2001). On the Question of the Life of Efrem Perekomsky In: S.A. Semyachko (ed.). *Book centers of Ancient Russia: Northern Russian monasteries*. (Pp. 152—198). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.).

Информация об авторе

Николай Андреевич Никонов, аспирант, лаборант-исследователь, Высшая школа коммуникаций и креативных индустрий, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта"), Калининград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4884-4427>, e-mail: gis.1974@inbox.ru

Information about the author

Nikolay A. Nikonov, postgraduate student, research assistant, Graduate School of Communications and Creative Industries, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4884-4427>, e-mail: gis.1974@inbox.ru

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05